

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Русакова Сергея Сергеевича
«Реконструкция концепции субъекта и субъективации:
историко-философский анализ»,
представленной на соискание ученой степени доктора философских
наук по специальности 5.7.2. – История философии

Актуальность темы исследования.

Диссертационное исследование С.С. Русакова посвящено одной из ключевых и наиболее дискуссионных проблем современной философии — проблеме субъекта. Актуальность работы не вызывает сомнений. Как справедливо отмечает сам диссертант, классический картезианский субъект, доминировавший в западноевропейском дискурсе на протяжении четырех столетий, сегодня переживает глубокий кризис. Этот кризис имеет не только теоретическое, но и экзистенциальное измерение, отражая состояние современного человека, утратившего устойчивые антропологические ориентиры и испытывающего перманентную тревожность.

В этой связи особую значимость приобретает обращение к альтернативной традиции — концепции субъективации, разработанной в поздних работах Мишеля Фуко и его последователей. Предпринятая в диссертации попытка реконструировать историю субъективации как самостоятельного и параллельного концепту субъекта дискурса представляется своевременной и теоретически продуктивной. Работа вносит вклад в заполнение лакуны, существующей в отечественной историко-философской науке, где преобладают исследования либо субъекта, либо творчества Фуко в целом, но отсутствует системный анализ диалектики этих двух понятий.

Основное содержание работы.

В первой главе диссертант прослеживает историю развития понятий «субъект» и «субъективация», начиная с античных истоков. Анализируя учение Платона и Аристотеля, автор выявляет в их полемике сочетание обеих концепций: с одной стороны, стремление души к Идее Блага через этическое усилие (субъективация), с другой — наличие разумного начала как деятельного основания (субъект). В ходе дальнейшего экскурса по истории европейской мысли и на основе работ В. Виндельбанда, В. Декомба, А. Рено, А.Ф. Лосева, Я.А. Слинина формулируются ключевые критерии для различения двух концепций. В третьем параграфе дано описание археологического методу М. Фуко и показано, как этот метод позволяет включать в историко-философский анализ тексты, не принадлежащие собственно философскому дискурсу (монашеские уставы, духовные руководства), и реконструировать на их основе дискурс о субъективации.

Вторая глава посвящена античным моделям субъективации. Отталкиваясь от анализа М. Фуко, диссертант существенно расширяет его. Подробно рассматриваются сократо-платоническая модель (забота о душе как подготовка к иной жизни или политической деятельности), киническая

модель (практики испытания, манифестации истины, «перечеканки ценностей» через аскетический образ жизни), пифагорейская модель (досмотр души, интеллектуальное и этическое очищение для достижения богоподобия). В эллинистической модели акцент смещается на «заботу о себе», включающую работу над телом, душой и разумом, а также на фигуру наставника. В раннехристианской модели античные практики трансформируются: целью становится спасение души и приближение к Богу, появляются практики крещения, покаяния, экзагорезы (досмотр извне) и экзомологезы (досмотр внутри).

Третья глава — одна из самых оригинальных в работе. В ней впервые в историко-философской литературе систематизируются модели субъективации средневекового монашества. В западной традиции выделены: бенедиктская модель (послушание, молитва, физический труд как путь к совершенству); рыцарско-монашеская модель (спасение души через служение и сражение); францисканская (апостольская) модель (спасение через проповедь и заботу о душе ближнего); августинианская модель (вера, подкрепленная разумом, внутренний досмотр). В восточной традиции проанализированы: анахоретская модель (радикальное одиночество и отказ от собственной воли); киновийная модель (жизнь в общине, полное послушание, «десубъективация» как путь к святости); идиоритмическая модель (уникальный синтез общежития и личной свободы, саморегуляция аскезы).

Четвертая глава посвящена периоду постепенного угасания концепции субъективации и утверждения концепции субъекта. В философии Возрождения диссертантом выделяется переходная гуманистическо-христианская модель, где свобода воли и самосовершенствование еще играют ключевую роль. Однако «картезианский поворот» радикально меняет ситуацию. Анализируя учения Декарта, Спинозы и Канта, диссертант показывает, как на первый план выходят автономность разума, гносеоцентризм и статичность субъекта, а этика и практики себя оттесняются на периферию. В параграфе, посвященном кризису XIX века, рассматриваются концепции Кьеркегора («прыжок веры» как альтернатива рациональности), Маркса (отчуждение как кризис субъекта в мире-объекте), Фейербаха и Ницше (воля к власти и вечное становление как возвращение элементов субъективации).

Пятая глава исследует «диалогичку» двух концепций в XX веке. В экзистенциализме автор обнаруживает попытку преодоления субъект-объектной бинарности через понятия Dasein, бытия-для-себя и бытия-для-другого, что сближает это направление с концепцией субъективации. Неомарксизм исследует подавление субъектности капитализмом и культурой потребления, обнаружив эмансипаторный потенциал в искусстве и коллективном субъекте. В постмодернизме анализируются: «смерть автора» Р. Барта как деконструкция субъекта; «номадический субъект» Ж. Делеза, воплощающий принципы динамичности и гетерономности; и, наконец, поздний М. Фуко с

его проектом этической субъективации через возвращение к античным «практикам себя».

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Положения, выносимые на защиту, и итоговые выводы обладают высокой степенью обоснованности. Это достигается благодаря нескольким факторам:

1. Диссертант привлекает значительный массив литературы (435 источников, включая 74 на иностранных языках), включающий как оригинальные философские тексты от античности до XXI века, так и современные аналитические работы западных и отечественных исследователей. Особого внимания заслуживает использование не только собственно философских трактатов, но и широкого круга текстов, репрезентирующих «духовные практики» (монашеские уставы, исповеди, руководства к аскезе), что методологически оправдано археологическим подходом.

2. Автор не просто декларирует, но последовательно применяет оригинальную методологию, сочетающую классический историко-философский анализ, компаративистику и археологический метод М. Фуко. Особую ценность представляет экспликация диссертантом критериев для различения концепций субъекта (статичность, автономность, гносеоцентризм, внутримирность) и концепции субъективации (динамичность, гетерономность, этикоцентризм, внемирность). Эти критерии служат надежным инструментом для анализа и систематизации исторического материала, позволяя избежать произвольных интерпретаций.

3. Структура диссертации подчинена хронологическому принципу (от античности к современности), что позволяет проследить генеалогию обоих концептов в их взаимном переплетении и борьбе. Такой подход убедительно демонстрирует, как на разных этапах (Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время, XIX-XX века) доминировала то одна, то другая парадигма понимания человека.

Новизна полученных результатов.

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений и заключается в следующем:

1. Впервые в отечественной историко-философской литературе проведено столь систематическое и концептуальное разведение понятий «субъект» и «субъективация» на основе эксплицитно сформулированных критериев. Это позволяет рассматривать историю западной мысли не как монолитную историю субъекта, но как сложную динамику двух разнонаправленных тенденций.

2. В работе воспроизводится реконструкция нескольких моделей субъективации, которые не имели подробной разработки в рамках первоначальных исследований «культуры себя» М. Фуко. Автор не ограничивается анализом античных моделей, выделенных Фуко (сократоплатоническая, эллинистическая, раннехристианская), но существенно

дополняет их, вводя в научный оборот и детально анализируя киническую и пифагорейскую модели, что является существенным вкладом в понимание субъективности в античной философии, где парадигма понимания человека была тесно переплетена с образом жизни.

3. Впервые в истории философии столь подробно реконструированы модели субъективации в западной (бенедиктская, рыцарская, францисканская, августинианская) и восточной (анахоретская, киновиная, идиоритмическая) монашеских традициях. Показано, как античные «практики себя» трансформируются в христианские «практики спасения», сохраняя при этом сущностные черты субъективации (гетерономность, этикоцентризм).

4. В рамках реконструкции взаимодействия двух концепций автор выявляет понятие «кризиса субъекта». Диссертант предлагает оригинальную интерпретацию философии XIX–XX веков (Кьеркегор, Маркс, Ницше, экзистенциализм, неомарксизм, постмодернизм) как поля борьбы, где происходит деконструкция классического субъекта и попытка реабилитации элементов субъективации. Анализ того, как концепты Хайдеггера (Dasein) и Делеза (номадический субъект) соотносятся с авторскими критериями, выглядит убедительным и новым.

Замечания по диссертационной работе.

Несмотря на высокий научный уровень, глубокую проработку материала и несомненную новизну, представленная диссертация вызывает ряд вопросов и замечаний, которые могут быть предметом дискуссии на защите.

1. В работе заявлено о сочетании классического историко-философского анализа и археологического метода М. Фуко, дополненного методом реконструкции. Однако остается не до конца проясненным, как именно диссертант разрешает противоречие между двумя подходами: классическим, стремящимся к объективному воспроизведению мысли автора в ее собственном контексте, и археологическим (постмодернистским), который рассматривает любой дискурс как конструкцию, независимую от интенций автора. Не приводит ли использование разнородных методологий к тому, что авторская система критериев (статичность/динамичность и т.д.) насильно помещает мыслителей прошлого в контекст «современности», утрачивая свою специфику? Особенно остро этот вопрос стоит при анализе средневековых уставов, которые вряд ли осознавались их авторами как «модели субъективации» в современном смысле слова.

2. Стремясь охватить огромный исторический период, диссертант вынужден в последних главах (особенно в анализе неомарксизма и постмодернизма) двигаться скорее тезисно, реферируя позиции множества авторов на нескольких страницах. Это приводит к определенной схематизации. Например, критика Т. Адорно и Г. Маркузе сведена преимущественно к теме искусства как эмансипации, что, безусловно, важно, но оставляет за скобками сложность их анализа инструментального разума, диалектики Просвещения и тотальной администрации. В результате раздел

по неомарксизму выглядит менее фундированным и эвристичным по сравнению с блестяще проработанными античными и средневековыми главами. Не кажется ли автору, что глубина анализа убывает по мере приближения к современности?

3. В выводах диссертации убедительно показано, как философы XIX–XX веков критикуют классический субъект и вплетают в свои построения элементы субъективации (прыжки веры у Кьеркегора, становление у Ницше, подлинность у Хайдеггера, этические практики у позднего Фуко). Однако в заключении не хватает более четкого и смелого ответа на главный вопрос: удалось ли этим мыслителям действительно возродить полноценную концепцию субъективации, или же они лишь указали на ее невозможность в условиях модерна, предложив своего рода «симулякры» древних практик? Автор склоняется к первому, но анализ постмодернистов (особенно «смерти автора» у Барта) скорее свидетельствует о радикальной фрагментации, которая делает целостный процесс «становления» (динамичность по критериям автора) проблематичным. Отсутствие цели становления субъекта – программный тезис постмодернистского проекта, но может быть в нем все дело? Хотелось бы услышать более развернутую аргументацию автора о том, насколько проект этической субъективации Фуко или номадизма Делеза может быть признан успешной альтернативой классическому субъекту, а не просто его элегантной деконструкцией.

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не снижают общей высокой положительной оценки диссертационного исследования. Они скорее свидетельствуют о сложности и многогранности затронутой проблематики, а также о том, что работа стимулирует дальнейшую научную рефлексию.

Заключение.

Диссертационное исследование имеет теоретическое и практическое значение. Проведенный анализ существенно углубляет наше понимание историко-философского значения как археологической методологии М. Фуко, так и значения развития элементов концепции субъективации в истории европейской философии. Основные идеи и выводы диссертации были представлены в ряде международных и общероссийских конференций.

Диссертация Русакова Сергей Сергеевича на тему «Реконструкция концепции субъекта и субъективации: историко-философский анализ» является законченным научным исследованием, посвященным решению крупной и важной научной проблемы. Она отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, согласно п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Русаков Сергей Сергеевич – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2. – История философии.

